

2. Христианская повестка дня

как условие рождения иной России

Христианская повестка дня России — это евангельский взгляд на судьбу России, на ее место в мире и ее будущее со Христом.

Христианская повестка дня России предполагает, что евангельское сообщество должно осознать свое призвание быть **пророческим голосом своего народа**. Как пророческий народ, мы и можем, и должны иметь свою позицию, основанную на иной интерпретации истории, глубоком понимании сущности нашего народа и провидении Божьего призыва к России. Иными словами, христианская повестка дня — это **понимание и провозглашение Божьего предназначения России**.

Большинство предлагаемых сегодня моделей развития России опираются на прошлое и настоящее, поскольку именно в бывшем и существующем их авторы видят идеал того, какой должна стать наша страна.

Христианский взгляд укоренен в истории и питается ее соками, но свой идеал черпает из вечности, а потому предполагает **постоянное, неукротимое восстановление Божьего замысла о России**. Такой подход позволяет видеть Россию не как копию с чужого образца. Копия всегда хуже оригинала, а потому, копируя чужие образцы (прошлые или настоящие), мы обречены на поражение.

Христианский взгляд укоренен в истории и питается ее соками, но свой идеал черпает из вечности.

Византийская модель — это пример из далекого и не слишком удачного прошлого. Попытка предложить средневековую империю в качестве образца для постиндустриальной эпохи — обречена на провал. То же самое верно и для противоположенного подхода: нерелексивное копирование западных образцов ставит нашу страну в положение «вечно догоняющей», а значит, закрепляет за Россией роль третьюсортной державы, не влияющей на мировые процессы.

Христианская повестка дня России предполагает создание не копии, а оригинала. Такая повестка дня будет актуальна не только для самой России, но и для всего мирового сообщества, и, главное, для Церкви Христа, которая также едина, как Един Сам Христос. За такую **иную** Россию можно и нужно бороться. Бороться за то, чтобы покинуть наезженную колею. Бороться за Христову Россию.

Речь не идет о борьбе с внешними или внутренними врагами. Бороться нужно с собственной косностью, ленью, трусостью и инерцией — нашими реальными противниками. Бороться, чтобы не принести евангельские ценности в жертву

сиюминутной конъюнктуре. Провозглашение христианской повестки дня есть одновременно и провозглашение готовности *сражаться за иную Россию*, а значит жертвовать многим.

Одновременно, христианская повестка дня есть **благодарность Богу за Россию** — как за то, что Он уже совершил в нашем народе, на нашей земле, так и за то, что Он еще совершит. И особенно за то, что Он дал нам такую высокую привилегию — быть Его соратниками, быть одними из тех, через кого Его воля воплощается на российской земле. Наша благодарность есть выражение веры в то, что Его замысел исполнится, Его воля совершится, Он — грядет! Христианская повестка может пониматься по-разному.

Во-первых, как христианизация существующей светской повестки. В этом случае мы просто выбираем из ее положений те пункты, которые соотносятся с ценностями христианства, и обогащаем их богословскими суждениями и ссылками на Писание. Этот путь не бессмысленен, поскольку множество положений светской повестки дня не может быть реализовано без глубинного принятия христианских ценностей, что означает частичную христианскую закваску политической элиты мирского общества. К тому же уже сейчас понятно, что достижение стратегических целей, стоящих перед российским государством, невозможно без поддержки христиан и части общества, обогащенного духом христианства.

Однако этот подход имеет и свой существенный недостаток. Он не предполагает пророческого взгляда, не требует мужества веры и не способен предложить свое понимание будущего. При таком подходе есть риск, что христиане будут востребованы лишь как рабочая сила, выполняющая то, за что никто другой просто не берется, но магистральное развитие общества будет происходить в стороне от них. Таким образом, это не путь формирования подлинно христианской повестки дня, но поддержка светской при частичной ее христианизации. Говорить о христианском будущем России при такой схеме не приходится.

Во-вторых, мы можем предложить свой собственный **идеальный** и потому трудно понимаемый миром и с трудом исполнимый нами самими план действий. Этот подход может полностью соответствовать духу апокалиптической литературы, но не может быть принят миром и потому останется параллельной реальностью. В этом случае христиане неизбежно оказываются в положении маргинальной группы, чье суждение о мире, возможно, абсолютно верно (по крайней мере, если оно выражено в терминах метафизики), но никому неинтересно.

Нам, безусловно, следует удерживать вневременную перспективу в отношении исторического развития, ибо оно по определению раскрывает себя во времени. Христиане просто обязаны мерить судьбы мира на весах вечности. Но настоящему христианская повестка дня предполагает, что вдохновляющие нас вечные истины заземлены в конкретной эпохе, связаны с жизнью конкретных людей, с их проблемами и нуждами. И что истины эти предлагают реальные ответы не только членам общины верных, но и людям, стоящим на других мировоззренческих позициях.

Возможен и третий вариант, наиболее доступный, наиболее востребованный миром, перенасыщенным политкорректностью. Речь идет о типичном разговоре на тему «за мир во всем мире». Этот soft-вариант христианского мировоззрения легко узнаваем. Он преобладает на многочисленных круглых столах и конференциях, проводимых с участием внушительно выглядящих и чинно говорящих представителей «традиционных» религий. Основная проблема такого варианта повестки дня заключается в том, что он, по большому счету, уже не является христианским, поскольку представляет собой компромисс, который чаще всего оказывается хуже любой альтернативы. Да и повесткой дня, по сути, тоже уже не является, поскольку не предлагает реальных путей движения в будущее и не дает решений, которые сделали бы это будущее лучше, чем настоящее.

Наконец, есть четвертый вариант: **христианская повестка дня как оправдание будущего**. Кто кроме людей веры способен выявить нравственное лицо будущего? Увидеть в том, чего пока нет, то, что оправдывает его перед лицом нашей веры? Речь не идет об

оправдании как примирении секулярной морали современного человека с меняющимися образами грядущей техно-инфо-сферы. Речь не идет о втискивании своего мировоззрения в любое будущее и подгонки этого будущего под узко национальные или конфессиональные рамки.

Мы говорим о необходимости формирования **будущего**, его сокровенного образа. Мы собираемся назвать и утвердить **ценности грядущего**. Увидеть **идущее** таким, каким оно действительно придет к нам завтра. Не отвергнуть, не испугаться, а принять его. Дать будущему твердое основание для жизни в настоящем. Поступить по образцу Божьему — вдунуть жизнь в пока еще неодохворенную форму. А значит, принять **ответственность за будущее**.

Церковь уже не раз поступала подобным образом. Августин и Папа Лев I сделали эту работу для наступающих Темных Веков. И Римская церковь оказалась единственной силой, сохранившей Европу как целостное пространство и удержавшей вкус и память о цивилизации. Позднее Лютер, Кальвин и другие Реформаторы дали богословское основание наступающей эпохе, благодаря чему протестантизм стал христианством индустриального мира.

Мир снова беременен. Снова стоит на пороге радикальных перемен. А значит, в очередной раз необходимо положить духовное основание новой эпохе. Но титульная Церковь предпочитает оплакивать уходящий мир, вместо того, чтобы воцерковлять грядущий. Христианская повестка как оправдание будущего может быть только у носителей определенного рода знания и воли. Встает вопрос: **Какая форма способна вместить такое знание и волю?**

Достижение стратегических целей, стоящих перед российским государством, невозможно без поддержки христиан и части общества, обогащенного духом христианства